

**М.М. Ковалевский. Ученый,
государственный и
общественный деятель и
гражданин**

Сборник статей

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 32
ББК 66
М11

М11 М.М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: Сборник статей / – М.: Книга по Требованию, 2016. – 278 с.

ISBN 978-5-458-54037-7

ISBN 978-5-458-54037-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Черты изъ жизни Максима Максимовича по семейнымъ и личнымъ воспоминаніямъ.

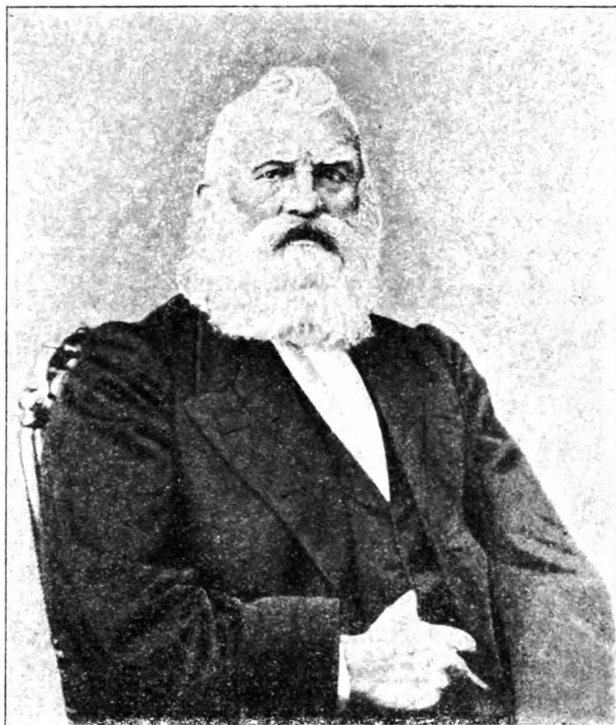
Максимъ Максимовичъ былъ человѣкъ, отдавшій всю свою жизнь наукѣ, общественности и государству. Женатъ онъ не былъ и потому не имѣлъ семьи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Онъ былъ профессоромъ, соціологомъ, историкомъ, государственнымъ дѣятелемъ, и этимъ сторонамъ его жизни посвящены здѣсь отдѣльныя статьи.

Но характеристика его была бы не полной, если бы въ настоящемъ сборникѣ, посвященномъ ему, не было дано хотя бы краткой оцѣнки болѣе интимныхъ сторонъ его жизни и личности съ точки зрѣнія семейныхъ отношеній. Лично зная М. М. болѣе 35 лѣтъ, я не могъ бы однако прослѣдить за нимъ въ этомъ отношеніи съ извѣстной полнотой, такъ какъ онъ былъ значительно старше меня и проводилъ за границей долгіе годы, когда мы встрѣчались случайно и на короткіе сроки. Поэтому я пользуюсь всѣми отрывочными воспоминаніями, письмами, бесѣдами, по которымъ можно набросать сколько-нибудь послѣдовательно картину семейныхъ и личныхъ отношеній, которыя могутъ оказаться не бесполезными для характеристики автора „Рода“ и „Семьи“. Я надѣюсь, что по окончаніи войны можно будетъ достать изъ Карлсбада и опубликовать полную автобіографію, написанную имъ въ плѣну.

I.

ДѢТСТВО И ЮНОСТЬ.

Максимъ Максимовичъ родился 27-го августа 1851 года, въ городѣ Харьковѣ, въ состоятельной дворянской семьѣ. Родители его жили въ это время на Екатеринославской улицѣ въ домѣ,

Отець Максима Максимовича въ послѣдніе годы жизни.

уцѣлѣвшемъ до сихъ поръ и называемомъ старожилами по-
просту „домъ съ колоннами“.

Родъ Доленго-Ковалевскихъ, къ которому принадлежалъ
М. М., перешелъ изъ Польши въ Россію въ 1650 году и, служа
въ слободскихъ полкахъ, обладалъ въ Харьковской губерніи
обширными помѣстьями. Его отецъ, тоже Максимъ Максимо-
вичъ, былъ полковникомъ Кирасирскаго полка, участвовалъ въ
Отечественной войнѣ и въ войнахъ 1814—15 гг. и совершилъ
весь триумфальный путь отъ Москвы до Парижа. Въ семьѣ со-
хранилась въ качествѣ своеобразнаго историческаго документа
его сабля, украшенная выгравированными на ней названіями
всѣхъ городовъ, во взятіи которыхъ участвовалъ его полкъ.

Послѣ выхода въ отставку Максимъ Максимовичъ старшій
поселился у себя въ имѣніи въ Харьковскомъ уѣздѣ и сталъ
заниматься хозяйствомъ. Велъ онъ его хорошо, и домъ и имѣ-
ніе представляли полную чашу.

Мать М. М. — Екатерина Игнатьевна.
(Со старинной акварели).

Для своего времени онъ былъ выдающимся сельскимъ хозяиномъ; прекрасно поставилъ полеводствѣ, пользовался въ ту отдаленную эпоху сельскохозяйственными машинами, построилъ два завода, насадилъ на сыпучихъ пескахъ великолѣпную сосновую рощу.

М. М. старшій былъ человѣкъ красивый, даже въ старости, умный и не безъ лукавства. Онъ долгіе годы (25 л.) предводительствовалъ у себя въ уѣздѣ, исполняя обязанности и губернскаго предводителя во время длительныхъ отсутствій послѣдняго. Было у него много друзей, но были и недоброжелатели. Послѣдніе, когда онъ, уже пожилымъ человѣкомъ, женился на молоденькой дѣвушкѣ Екатеринѣ Игнатьевнѣ Познанской, прозвали его въ шутку Мазепой, на что онъ очень обижался. Екатерина Игнатьевна была моложе его на 25 лѣтъ; она принадлежала тоже къ старинному дворянскому роду, была красива, пріятна въ обращеніи, обладала настойчивымъ характеромъ и получила, по своему времени, очень хорошее воспитаніе и образованіе. Она писала изящнымъ стилемъ и была знатокомъ французской литературы; занималась музыкой, пѣніемъ и недурно рисовала. Отъ нея сохранились рукописные рассказы и стихотворенія и рисунки карандашомъ.

Маленькій Максимъ росъ въ семьѣ одинъ, хотя у его родителей и былъ еще сынъ, раньше его явившійся на свѣтъ, но погибшій вскорѣ послѣ рожденія вслѣдствіе чрезмѣрно выраженного физическаго недостатка—заячьей губы, который обнаружился и у младшаго брата. Но въ отношеніи послѣдняго Екатериной Игнатьевной были приняты энергичныя медицинскія мѣры, былъ приглашенъ извѣстный тогда въ Харьковѣ хирургъ, профессоръ университета, итальянецъ Ванцетти, и недостатокъ этотъ былъ по возможности исправленъ. Незначительный дефектъ верхней губы Максима Максимовича не портилъ его лица, но придавалъ даже нѣкоторую своеобразность. Онъ росъ на первыхъ порахъ худенькимъ, хрупкимъ и блѣднымъ ребенкомъ. Лѣтъ 6—7 его даже для укрѣпленія здоровья возили на Славянскія воды, а потомъ и за границу. Когда умеръ отецъ, М. М. былъ еще мальчикомъ и воспитаніемъ его занялась Ек. Игн., которая всѣ силы своего недюжиннаго ума и сердца посвятила сыну. Съ своей стороны М. М. отвѣчалъ матери нѣжной привязанностью и сердечной преданностью, онъ сохранилъ къ ней любовь неизмѣнной въ теченіе всей своей жизни.

Она сама научила его русской грамотѣ и правиламъ правописанія, и ей же онъ обязанъ очень удачнымъ выборомъ первыхъ книгъ для чтенія, рано развившихъ вкусъ къ исторіи и этнографіи.

Чтеніе по вечерамъ отрывковъ изъ Пушкина, Гоголя и др. писателей считалось наградою за доброе поведеніе и прилежаніе, и съ тою же цѣлью поощренія онъ получалъ снимки съ лучшихъ картинъ Луврской, Дрезденской, Мюнхенской и Вѣнской галлерей. Нѣмецкому и французскому языку его обучали съ самаго дѣтства французскія и нѣмецкія гувернантки. Для ближайшаго наблюденія за бойкимъ и шаловливымъ мальчикомъ былъ приглашенъ гувернеръ, швейцарецъ изъ кантона Фрибургъ, Изидоръ Морисовичъ Гранжанъ, съ которымъ онъ продолжалъ занятія языками и прошелъ на французскомъ языкѣ курсъ древней и средней исторіи, мифологіи и исторіи французской литературы *). Приглашены были и учителя искусствъ. „Я прошелъ, — говорилъ М. М., — обычную въ дворянскихъ семьяхъ дѣтскую повинность—игру на фортепіано. И несмотря на то, что я увлекся музыкой, изъ этихъ занятій ничего не вышло“. М. М. занимался и живописью. Учителемъ его былъ Безперчинъ, дававшій первые уроки извѣстному впослѣдствіи художнику Семирадскому. „При этомъ, — говоритъ М. М., — мнѣ повезло: вмѣсто того, чтобы мучиться цѣлые годы и бесполезно оплачивать учителей, я былъ очень скоро освобожденъ отъ этихъ уроковъ, такъ какъ мой преподаватель оказался необыкновенно добросовѣстнымъ и, убѣдившись въ моей неспособности къ живописи, добровольно отказался отъ дальнѣйшаго преподаванія“.

Такъ шла жизнь мальчика, тихая и разумно заполненная ученіемъ. Отъ время до времени ѣздили въ гости, на ярмарки, на богомолье. Одна изъ поѣздокъ на богомолье въ Бѣлгородскій монастырь произвела на М. М. очень сильное впечатлѣніе. Въ соборѣ была больная—кликуша. По народному повѣрію, чтобы избавить кликушу отъ мученій и бѣснованій, надо, чтобы она приложилась къ Царскимъ вратамъ. Больная сопротивлялась и оглашала церковь дикими криками. Родители же силой пытались подтолкнуть ее къ вратамъ. Эта тяжелая сцена, сопровождавшаяся общимъ смятеніемъ, запомнилась М. М. на всю жизнь.

*) Рукописный курсъ этотъ сохранился въ бумагахъ покойнаго.

Вскорѣ послѣ смерти отца, Екат. Игн. собралась отдать М. М. въ гимназію, но онъ оказался совершенно не подготовленнымъ, такъ какъ не зналъ латинскаго языка, славянской грамматики и нѣкоторыхъ отдѣловъ Закона Божія. Имѣвшихся знаній едва хватало для поступленія въ 3-й классъ. Необходимость очутиться среди малышей 2-го или 3-го класса задѣла самолюбіе мальчика, и, послѣ упорнаго труда въ теченіе зимы, онъ въ 1865 году 14 лѣтъ выдержалъ блестяще экзаменъ въ 5-й классъ 3-й Харьковской гимназіи, директоромъ которой былъ тогда А. С. Рубенко. Постановка учебнаго дѣла въ гимназіи была далеко не блестяща: преподавали тамъ нескончаемое число предметовъ: новые и латинскій языки, исторію, исторію литературы, а также тригонометрію и космографію, зоологію, ботанику, минералогію, геологію, анатомію, физиологію и др., и для всего этого полагалось по 2—3 урока въ недѣлю. Такимъ образомъ положительныхъ знаній, въ сущности говоря, не получалось.

Обучался М. М. вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Г. Г. Мизко; ближайшимъ товарищемъ его былъ В. В. Гуровъ, впослѣдствіи извѣстный присяжный повѣренный и авторъ книги: „О старозаимочныхъ земляхъ“. Гуровъ гостилъ у Ковалевскихъ лѣтомъ въ деревнѣ и занимался съ Максимомъ; онъ вмѣстѣ съ нимъ поступилъ и въ Университетъ. Г. Г. Мизко рассказываетъ, что М. М. уже въ гимназическіе годы поражалъ какъ учителей, такъ и товарищей, своими выдающимися способностями, памятью и настойчивостью въ трудѣ. Онъ любилъ исторію и былъ очень способенъ къ языкамъ. Къ сожалѣнію, исторія преподавалась неудовлетворительно: учитель, пользуясь учебникомъ Иловайскаго, ограничивался отмѣтками карандашомъ необходимыхъ, по его мнѣнію, сокращеній, въ чемъ и выражались его педагогическіе приемы. „По природѣ своей лѣнивый и бездарный,—говоритъ М. М.,—онъ не прочь былъ вызывать меня къ доскѣ. „А ну-те, Ковалевскій, расскажите-ка про Руссо и Вольтера, вась этому, вѣрно, обучилъ французскій гувернеръ“. Ковалевскій рассказывалъ, и классъ не безъ изумленія слышалъ объ общественномъ договорѣ, какъ источникѣ всякаго правительства, и о необходимости *écraser l'infâme*.“

Но даже и тѣ предметы, которые не интересовали М. М. по существу, но по какому-нибудь поводу обращали на себя его вниманіе, усваивались имъ съ удивительной легкостью и полнотой. М. М. не былъ религіознымъ мальчикомъ, не отличался

приверженностью къ церковности; но какъ-то разъ въ его присутствіи произошелъ споръ, участвуя въ которомъ, онъ обнаружилъ недостаточное знаніе катихизиса. Онъ взялся за его изученіе и, какъ рассказываетъ Г. Г. Мизко, въ теченіе короткаго времени настолько усвоилъ катихизисъ Филарета, что удивлялъ всѣхъ своимъ глубокимъ знаніемъ этого предмета, который обычно является для учащихся камнемъ преткновенія даже въ предѣлахъ требованій для отвѣта на экзаменѣ. Такова была присущая М. М. способность глубоко и основательно изучить всякій предметъ; онъ явно находилъ удовольствіе въ самомъ процессѣ усвоенія, въ преодолѣніи встрѣчающихся при этомъ трудностей. Эти свойства служили уже тогда показателями того, что въ М. М. были задатки для будущаго ученаго.

Мы имѣемъ доказательства, что способности М. М. уже тогда считались выдающимися и оцѣнивались окружающими; сохранилось письмо Евграфа Петровича Ковалевскаго, тогдашняго Министра Народнаго Просвѣщенія, который, въ отвѣтъ на поздравленіе, присланное ему молодымъ Максимомъ по поводу какого-то семейнаго торжества, писалъ, что радуется его успѣхамъ, предсказываетъ ему блестящую будущность и совѣтуетъ работать надъ развитіемъ своихъ способностей. Гимназическій курсъ М. М. окончилъ блестяще и получилъ золотую медаль.

Не знаю, каковы были его отмѣтки за поведеніе въ гимназическіе годы, но несомнѣнно, что его независимость нрава и связанная съ нею строптивость вызывала столкновенія съ начальствомъ. Недаромъ директоръ журилъ его за „свободомысліе“, выразившееся, между прочимъ, въ критическомъ отношеніи М. М. на юбилей въ память Крылова къ баснямъ Сумарокова, и часто говаривалъ ему съ ярко выраженнымъ хохлацкимъ акцентомъ: „Ковалевскій, Ковалевскій, ваше поведеніе доведетъ васъ до выведенія изъ заведенія“. „Къ счастью,—прибавлялъ, добродушно смѣясь, М. М.,—эта угроза тогда не осуществилась, и только впоследствии, будучи профессоромъ Московскаго Университета, я испыталъ, что значитъ „выведеніе“.

Собственно гимназія не имѣла большого вліянія на нравственную сторону его характера, потому что внѣ школы онъ находился подъ постояннымъ хорошимъ воспитательнымъ руководствомъ семьи: онъ жилъ въ городѣ вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Мизко у родной своей тетки Маріи Игнатьевны Рындовской. Мужъ ея былъ профессоромъ и отличнымъ педагогомъ

Марія Игнатьевна, сама бездѣтная, очень любила своихъ двухъ племянниковъ, заботилась о нихъ и много помогала Екат. Игн. въ воспитаніи М. М. Такія условія жизни обезопасили М. М. въ школьные годы отъ вредныхъ вліяній, почти неизбѣжныхъ въ школьных пансіонахъ и городскихъ квартирахъ, а въ послѣдствіи и мать его окончательно поселилась въ Харьковѣ. Кромѣ Рындовскихъ, М. М. былъ принятъ какъ въ гимназическіе, такъ и въ студенческіе годы, очень радушно въ домѣ Александры Гавріиловны Хариной. Харины приходились собственниками Ковалевскимъ со стороны отца, дружескія же отношенія между А. Г. Хариной и Екат. Игнат. основывались, помимо личной симпатіи, на воспоминаніяхъ о первыхъ годахъ дѣвчества Екат. Игн.; за ней тогда ухаживалъ братъ А. Г. Хариной, Гавріиль Гавріиловичъ Сухановъ и даже сватался; хотя бракъ и не состоялся, но близкія отношенія сохранились. Способы ухаживанья въ то время были довольно оригинальны и потому о нихъ сохранилось много семейныхъ анекдотовъ. Такъ однажды молодой Сухановъ и нѣсколько его товарищей-студентовъ, желая выразить свое восхищеніе красотой Е. И. (она была очень миловидна) подкупили всѣхъ шарманщиковъ Харькова, чтобы тѣ одновременно по всему городу играли: „Во всей деревнѣ Катенька красавицей слыла“.

Домъ А. Г. являлся въ то время, да и много лѣтъ позже, умственнымъ центромъ Харькова. Очень умная, привѣтливая и хлѣбосольная хозяйка Александра Гавріиловна привлекала къ себѣ все Харьковское общество. Въ этомъ оригинальномъ домѣ-особнякѣ съ башнями, окруженномъ громаднымъ садомъ, на горѣ, откуда виденъ весь Харьковъ съ пригородами, собиралась и губернская администрація съ генераль-губернаторомъ во главѣ, и судъ, имѣвшій въ своей средѣ молодого, блестящаго прокурора А. Θ. Кони, и профессорскій кругъ, и всѣ вообще интересные и живые люди, которыми былъ богатъ Харьковъ, какъ университетскій центръ и областной городъ. Посѣщеніе этого дома, по словамъ М. М., оказало на него хорошее вліяніе, и онъ въ дальнѣйшей своей жизни всегда вспоминалъ объ А. Г. съ большой сердечностью и теплотой, а она его любила, какъ „Миму“, сына своей старинной пріятельницы, и цѣнила, какъ блестящаго молодого человѣка.

Онъ себя чувствовалъ у Хариныхъ какъ дома, забѣгалъ за просто въ самые неподходящіе часы и дни, напримѣръ, въ страст

М. М. мальчикомъ—7 лѣтъ.

ную пятницу, чѣмъ-нибудь полакомиться. Однажды, замѣтивъ его пристрастіе къ каленымъ орѣхамъ, Харина отправила ему потихоньку на домъ цѣлый мѣшокъ изъ своихъ запасовъ, о чемъ М. М. впослѣдствіи со смѣхомъ вспоминалъ.

Лѣто М. М. проводилъ вмѣстѣ съ матерью въ отцовскомъ имѣніи „Двурѣчный Кутъ“, гдѣ онъ много занимался и читалъ. Какъ-то разъ его вызвалъ къ себѣ Е. П. Ковалевскій, бывшій тогда членомъ Государственнаго Совѣта, въ имѣніе Ярошовка, расположенное въ 10-ти верстахъ отъ Кута. Юный Максимъ вошелъ въ кабинетъ и, не найдя тамъ никого, заинтересовался открытой книгой, лежавшей на столѣ, которую только-что читалъ Е. П. Это былъ II томъ „Духа Законовъ“ Монтескье. „Никакъ я не ожидалъ,—говоритъ М. М.,—встрѣтить такую книгу